

Э.Э. Ухтомский

**Из области ламаизма. К
походу англичан на Тибет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э.Э. Ухтомский**
Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет / Э.Э. Ухтомский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-518-07188-9

ISBN 978-5-518-07188-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ нимъ было ближе, чѣмъ въ Сибирь, и тамошніе новые завоеватели, по отдаленности своей, могли столь же правиться тибетскому духовному іерарху, въ виду его заботы, главнымъ образомъ, не имѣть вблизи опасныхъ соперниковъ. Завяжи мы въ такое рѣшительное мгновеніе связь съ Лхасой черезъ благоговѣвшихъ къ ней кочевниковъ — при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 году, Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древне-азиатской цивилизации...

Въ 1622 г. русскіе впервые столкнулись съ бурятами, которые, спускаясь по Ангарѣ, еще на памяти сибирскихъ историческихъ актовъ доходили до Красноярска и облагали данью жившихъ по Енисею инородцевъ. Когда казаки покорили тамошнихъ тунгусовъ, буряты стали отступать. Слѣдомъ двинулся всего съ тридцатью товарищами (!) сотникъ Бекетовъ и въ 1628 году обложилъ ясакомъ это многочисленное племя, въ лицѣ его представителей, при слияніи Оки съ Ангарой, хотя годомъ раньше уже казачій отрядъ изъ Енисейска открылъ Байкаль. Присоединенная Якутская область выслала искателей приключеній по тому же направленію, вдоль Лены, причемъ ни въ одной экспедиціи не бывало, (да и то рѣдко) свыше 100—130 человекъ и, какъ ни странно, якутскіе инородцы позже признали могущество воздвигаемыхъ нами остроговъ, чѣмъ отдаленный Норчинскій край. Дѣло въ томъ, что Забайкалье, славившееся богатствомъ своей природы, притягивало казаковъ, слышавшихъ и по опыту знавшихъ про обиліе серебряныхъ украшеній и оправъ у монголо-бурятъ. Завоевателямъ думалось найти тамъ источникъ инородческой роскоши и они стремились переплыть священное озеро Байкаль.

Въ 1643 году Василій Курбатовъ носится уже по бурному Байкалу (по-бурятски „байгаль“, „вѣчный или постоянный огонь“: по инородческому преданію встарину вмѣсто обширной глубины тутъ была неровная мѣстность съ огнедышащею горой). Что ни годъ русскіе твердо осѣдаютъ „за моремъ“, входятъ въ сношеніе съ ближайшими князьями, берутъ ясакъ и приводятъ бурятъ съ тунгусами къ присягѣ великому Бѣлому царю Алексѣю Михайловичу.

Енисейскіе воеводы, въ вѣдѣніи которыхъ находилась сперва Забайкальская страна, радѣли о развитіи въ ней земледѣлства и объ

удержаніи ея въ цѣлости ради Амура. Къ коренному населенію пришельцы относились повидимому, дружелюбнѣе, чѣмъ къ ангарскимъ и окинскимъ инородцамъ, но такъ зѣвски съ ними обращались и этимъ способствовали сближенію... По крайней мѣрѣ, забайкальскіе буряты передають, что послѣднее совершилось тогда добровольно, безъ упорнаго кровопролитія, — совершилось, надо добавить, весьма кстати, потому что маньчжурѣ успѣли свергнуть миньскую династію въ Китаѣ и, словно предчувствуя опасность со стороны Россіи, направляли на насъ сѣверныя родственныя имъ племена...

Результатомъ указанной политики явилась для насъ утрата Пріамурскаго края, несмотря на геройское мужество его защитниковъ. Пекинское правительство понимало значеніе своего случайнаго превосходства надъ завоевателями Сибири, кичилось этимъ и подстрекало противъ нихъ недостаточно еще намъ дружественныхъ туземцевъ. Каждая, хотя и безъ боя уступаемая, нядь земли роняла русскихъ въ глазахъ окружающаго народонаселенія. Но въ 1667 году важный маньчжуръ-исполнѣ Гантимуръ изъ-за обиды передался намъ у Нерчинска съ цѣлымъ тунгусскимъ родомъ ¹⁾ и, ненавидя покинутый Китаѣ, сталъ открывать слабыя стороны сосѣдняго государства.

Это, въ связи съ относительною покорностью и даже привязанностью неладившихъ будто бы съ монголами забайкальскихъ бурятовъ, помогло отстоять область, гдѣ въ восьмидесятихъ годахъ XVII вѣка насчитывалось всего 7.000 русскихъ вокругъ трехъ городовъ и девяти остроговъ.

Любопытно, что отпоръ врагамъ, устремившимся на новосозданный Селенгинскъ, далъ сосланный туда запорожскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Неувѣренный въ своей силѣ китайскій императоръ склонился къ мысли о необходимости мирнаго договора и, при помощи находившихся въ Пекинѣ іезуитовъ, послѣдній былъ заключенъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года, а для установленія точной границы нашихъ и чужихъ владѣній въ 1727 году возникъ новый трактатъ.

Конецъ XVII столѣтія и начало слѣдующаго знаменательны по приливу въ Забайкалье инородцевъ изъ самой Монголіи, гдѣ постоянныя смуты и обѣднѣніе страны доводили жителей до

¹⁾ Кн. Гантимуровы и просто Гантимуровы до сихъ поръ обильно встрѣчаются въ Забайкальѣ.

отчаянія. Новоприбывшіе присягали на вѣрность Престолу и располагались около ранѣе тамъ обитавшихъ бурятъ. Въ это время въ чужихъ кочевьяхъ кипѣла ожесточенная борьба властнаго джунгарскаго князя Галдана съ маньчжурами. Пекинское правительство, несмотря на змѣнную мудрость богдыхана Канси, не могло сладить съ воинственными западными монголами, которые умѣли держать въ страхѣ противниковъ, далеко отъ своихъ степей. Мечтая воскресить чингисханову славу и разгромить Китай, энергичный Галданъ (письмами царямъ Іоанну и Петру, а также черезъ посольство въ Москву) безуспѣшно добивался союза съ Россіей.

Наплывъ инородцевъ изъ-за границы не прекратился и послѣ 1727 года. Монголы оттуда неоднократно пытались въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ огромными стадами, переходить въ русское подданство, но мы всегда честно отказывались ихъ принять. Пекинское правительство, въ свою очередь, обратило вниманіе на пресѣченіе означенныхъ переселеній въ наши предѣлы. Съ этою цѣлью богдыханъ распорядился поставить пикетами вдоль рубежа до 1,000 солдатъ, но подобная поверхностная мѣра оказывалась непригодною. Перевѣзчики являлись очень значительными толпами: такъ, наприимѣръ, въ 1732 году на границу сразу пришло 935 юртъ съ 2,150 способныхъ носить оружіе. Очевидно, сторожевые отряды были безсильны, или же за деньги пропускали перекочевывающихъ. Благоразуміе требовало уничтожить причины неудовольствія. Онѣ же коренились въ притѣсненіяхъ и чрезвычайныхъ поборахъ монгольской знати, коренились въ возрастающей ежегодно народной нищетѣ, наконецъ, въ исконной нелюбви къ Китаю.

Переселенцы симпатизировали Россіи отчасти потому, что государство Московское относилось къ новымъ подданнымъ съ полною вѣротерпимостью. И ранѣе вошедшіе въ составъ нашей Имперіи многочисленныя калмыки свободно держались ламаизма, и въ Забайкальѣ безпрепятственно проникали тибетскіе и другіе ламы, и съ Ургой пограничныя русскія области дорожили хорошими отношеніями...

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, околичій Головинъ въ 1689 году ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ. Новоприбывшіе дорожили этимъ непремѣннымъ усло-

віємъ, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширетыи* (начальствующіе главные ламы), тогда какъ забайкальскіе инородцы почти поголовно еще шаманствовали и не радѣли сознательно о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, заручившись ею, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой довольно поздно стало очевидно. Первоначально русскія власти радушно встрѣтили распространеніе новой религіи, какъ смягчающей нравы суровыхъ туземцевъ. Нужно было прежде всего упрочить спокойствіе въ странѣ, гдѣ вскорѣ послѣ ея присоединенія могли еще угрожать возстанія инородцевъ и осады нашихъ остроговъ, что въ нынѣшней Иркутской губерніи по Ангарѣ, Окѣ и Ленѣ дѣйствительно долго и случалось...

Илирійскій графъ Савва Владиславичъ-Рагузинскій, которому въ началѣ XVIII столѣтія поручалось опредѣленіе восточно-сибирской границы, съ узкой точки зрѣнія своей счелъ нужнымъ радѣть о прекращеніи тѣсной и непрерывной связи съ Монголіей (какъ-будто это мыслимо и теперь, 160 лѣтъ спустя). 30 июня 1728 года онъ предписалъ: „Ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые остались послѣ разграниченія, дабы російскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались“. Рагузинскій не удовлетворился желаніемъ оградить инородцевъ отъ иноземнаго вліянія: „такъ какъ между ламами не безъ обманщиковъ бываетъ“, продолжаетъ онъ ту же инструкцію пограничному начальству, — „то, чтобы шаманствомъ и прочимъ непорядкомъ простыхъ людей не грабили! Ежели оставшихся ламъ въ російской сторонѣ по нынѣшнему разграниченію не довольно, въ такомъ случаѣ выбирать имъ между собою изъ каждаго рода *по два ламчика благоразумныхъ и къ наукамъ охотныхъ*, хотя изъ сиротъ или кто похочетъ отдавать тайшѣ Лунсану ¹⁾ дабы при немъ обрѣтающіеся ламы оныхъ учили мунгальской грамотѣ и протчему, что такимъ принадлежитъ, дабы вѣрно поданнымъ нынѣ и впредь въ чужихъ ламахъ не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамотѣ, въ которой російскимъ поданнымъ иноземцамъ не безъ нужды, тѣхъ снабждать милостью Его Императорскаго Величества въ произведеніи чиномъ въ начальники“.

¹⁾ Тайшами назывались преемственные и пока еще называются выборными главы обширныхъ инородческихъ группъ.

Дозволеніе (разносимое приказанію), чтобы мальчики приобщались письменнымъ памятникамъ буддійской религіи и *съ надеждою на царскую милость укрѣплялись въ ней,* замѣтно способствовало ея неторопливымъ успѣхамъ. Заботливость Рагузинскаго (онъ намѣчалъ даже выдающихся среди нашего населенія тибетцевъ въ будущіе духовные іерархи) дала могучій толчекъ нарождающемуся движенію. Вліятельнѣйшіе изъ нашихъ монголо-бурятъ увидѣли за границей очагъ драгоценныхъ вѣрованій и стали радѣть о распространеніи порожденной ими культуры. Гостеприимно принимая въ свою среду тибетскихъ и единоплеменныхъ монгольскихъ ламъ (первыхъ по инородческимъ лѣтописямъ, въ періодъ между 1712 и 1741 гг. пришло до ста, вторыхъ вѣтъдесятъ), наши новые подданные отправляли и свою молодежь къ источникамъ буддійскаго знанія. Такъ, нѣкій Ахалдай съ товарищами (Хатагинова рода, изъ котораго происходилъ относительно недавно умершій старшій бурятскій лама Гонбоовъ) присягнувъ Россіи въ 1718 г. и уже черезъ 3—4 года пославъ въ Ургу ¹⁾ десятилѣтняго, постриженнаго въ духовное званіе сына.

Тотъ вернулся важнымъ человѣкомъ, а впоследствии, около 1752 г., сталъ съ утвержденія русскаго начальства во главѣ части забайкальскихъ буддистовъ. Другой тамошній инородецъ понгольскаго рода Даржи Заягійнъ (*ійнз* соответствуетъ нашему *ичз*) приблизительно тогда же или немного раньше провелъ немало лѣтъ въ Монголіи и Тибетѣ, путешествовалъ по Китаю, учился въ Лхасѣ при Далай-ламѣ, побывалъ и южнѣе у другого не менѣе важнаго буддійскаго „святого“ въ Даши-лхунбо, принялъ тамъ главнѣйшія посвященія, накупилъ книгъ. Добывавъ въ 1734 г. домой, бурятскій лама показался родной толпѣ удивительнымъ существомъ, когда же затѣмъ отличать его стало наше правительство, то обаяніе предприимчиваго понгольца усугубилось.

Надо замѣтить, что воспитывались внѣ Россіи не два-три лица, а гораздо больше. Согласно повѣствованію самихъ забайкальскихъ ламъ, Заягійнъ ходилъ учиться за границу „съ товарищами“. Уже при Ахалдаевѣ *въ Уртѣ* насчитывалось 89 ламчиковъ изъ нашихъ инородцевъ.

¹⁾ Городъ-монастырь Урга находится въ трехсотверстномъ разстояніи отъ Кяхты и въ религіозномъ отношеніи представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ ламайскаго міра.

Въ то время (и послѣ до 1841 г.) дѣла сибирскихъ ламантовъ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ. Сибирь вообще сперва зависѣла отъ „Посольскаго приказа“ больше, чѣмъ отъ областного (ради „береженья“ отъ Китая). При этомъ, вопросы дипломатическаго характера, понятно, заслоняли собою административные. Только такимъ путемъ возможно объяснить, почему тогда *особую „привилегію“ между прочими забайкальскими ламами позволили имѣть даже не туземцу, а тибетцу* Агвану Пунцуку. Согласно лѣтописямъ бурятъ именныя списки 150 пришедшихъ ламъ представлены были черезъ министра иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ на Высочайшее имя о признаніи за ними правъ.

Тысяча семьсотъ сорокъ первый годъ знаменателенъ въ исторіи забайкальскаго ламанизма по признанію указомъ императрицы Елизаветы главнаго буддійскаго іерарха среди бурятъ. Относясь къ ихъ новой вѣрѣ безъ всякой неприязни, правительство не руководилось, къ сожалѣнію, никакими опредѣленными взглядами. Ласкать инородцевъ изъ-за политическихъ цѣлей и дальновидности по отношенію къ Китаю не имѣлось даже въ виду... Высшихъ соображеній не существовало, —прямымъ доказательствомъ чему служить съ Головина начавшееся строгое напоминаніе разорвать связь (!) съ китайскими единовѣрцами. Въ 1741 г. предписано воздерживаться отъ взаимоотношеній *подъ страхомъ смертной казни*. Ясно, что изъ бурятъ вовсе и не предполагалось дѣлать проводниковъ русскаго вліянія въ Монголіи и въ сердцѣ Азіи — Тибетѣ. Къ послѣдному мы были до крайности равнодушны, хотя въ то время онъ переживалъ важный кризисъ, въ виду борьбы туземцевъ противъ усиленія тамъ богдыханскаго воздѣйствія, а поволжскіе калмыки, по невѣроятному противорѣчію, о ту же пору свободно сносились съ Лхасой. Такъ, напримѣръ, торгоутскій ханъ Цэрэнъ Дондукъ, тѣснымъ честолюбивыми сородичами, въ 1735 г. открыто получилъ далай-ламскій патентъ на свое званіе и желтую почетную повязку (при торжественномъ ламскомъ богослуженіи, съ оглушительною музыкой и при громадномъ стеченіи народа). Грамота привезена была изъ Тибета однимъ калмыкомъ, принявшимъ тамъ посвященіе: одновременно доставлены разные кумиры, освященные для хана сѣдло, знамя, одежда, оружіе. Старшій калмыцкій лама Шокуръ благословлялъ всѣхъ и каждого лхасскимъ посланіемъ. Тутъ обнаруживалась связь чисто политическаго характера: въ самой Евро-

пейской Россіи для утверженія въ ханскомъ званіи кочевникамъ казались недостаточными наше правительственное вмѣшательство и царская санкція; между тѣмъ мы дозволяли имъ обращаться за признаніемъ хана въ невообразимо отдаленный Тибетъ, параллельно грозя кровавою расправой живущимъ на сибирской окраинѣ, въ случаѣ если движимые религіозными чувствами они осмѣлятся по прежнему переступить границу или же принимать у себя ламъ изъ сосѣдняго государства. Угроза эта, конечно, произносилась праздно, никого не пугала, приучала смотрѣть на подобный законъ, какъ на мертвую букву...

Когда въ царствованіе Екаторины II въ Москву вызывались депутаты для составленія Уложенія, отъ забайкальскихъ бурятъ поѣхалъ со своимъ племянникомъ — ламой Хытырхевымъ—вышеназванный Заягійнъ, успѣвшій уже тогда добиться громкаго и неповытнаго властямъ титула „бандида - хамбы“ (о чемъ ниже), дарованнаго ему въ 1764 г. мѣстнымъ начальствомъ по просьбѣ самихъ инородцевъ.

По выраженію бурятъ, въ Москвѣ Заягійнъ сидѣлъ въ собраніи „на сто одномъ стулѣ“ (то-есть среди ста другихъ депутатовъ), объясняя подробно о своей вѣрѣ. Затѣмъ вліятельный забайкалецъ былъ благосклонно принятъ императрицей и назменованъ ея величествомъ *главнымъ хамбой* (іерархомъ) сибирскихъ ламъ. По словамъ инородческой лѣтописи имъ тогда же получены „золотой портретъ государыни“ (депутатская золотая медаль на голубой Андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ) и 50 руб. пожизненной пенсіи.

Представляясь государынѣ, хамба поднесъ сжатое описаніе совершеннаго имъ путешествія за границу и *удостоился похвалы*. Записка его, несмотря на простоту изложенія, крайнѣ любопытна: бурятскій лама видимо относился къ Тибету съ крайнимъ благоговѣніемъ и особенно поражался количествомъ духовныхъ въ странѣ, великолѣпіемъ и численностью храмовъ, святостью и мудростью наставниковъ народа и т. п. Историческій ходъ событій и вообще положеніе дѣлъ въ Центральной Азій навѣрно въ свою очередь были ясны Заягійну,—и распроси его кто-нибудь съ дипломатической точки зрѣнія, новый кругозоръ не замедлилъ бы открыться... Въ то время Европа уже стучала въ замкнутое тайнохранилище внутренней Азій и начинала пристальнѣе вглядываться въ обликъ загадочнаго края, называемаго чужестранцами *Тубодъ*

(„могущество“). Заягійнь несомнѣнно могъ бы сообщить многое о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Лхасъ, о взглядѣ тибетцевъ на западный міръ, о средствахъ завязать сношенія съ главнѣйшими заграничными ламами. Обласканный монаршими милостями, хамба душой и тѣломъ дѣлался преданнымъ Россіи. Этимъ тогда не воспользовались въ столицѣ, съ цѣлью ознакомленія съ Монголіей и Тибетомъ...

Уже въ инструкціи гр. Рагузинскаго ламамъ запрещалось заниматься „шаманствомъ и прочимъ непорядкомъ“. Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей, лѣченіе же тѣсно связано было съ обрядностью и потому наводило русское начальство на мысль, будто стародавняя (шаманская) и пришлая вѣра со внѣшней стороны очень близки другъ другу,—что почему-то казалось нежелательнымъ, свидѣтельствовало о ламской грубости и страсти къ обманамъ. ¹⁾ Тогда рѣшили: пусть упражняются въ изученіи письменныхъ памятниковъ, пусть выступать образованные ламы! И они выступили цѣлою вереницей лицъ, глубоко вникнувшихъ въ сокровеннѣйшія тайны сѣвернаго буддизма.

Одобреніе правительства было многимъ инородцамъ какъ нельзя болѣе кетати. Вскорѣ между ними стали учить такіе знатоки вѣры, что наѣзжіе, заграничные ламы въ діалектическомъ отношеніи оказывались слабѣе ихъ при диспутахъ, ²⁾—фактъ крайне замѣчательный, ибо около этого времени даже въ смежной Монголіи еще недостаточно умовъ созрѣло для проникновенія въ высшую буддійскую догматику.

Первоначально лишь войлочные юрты служили бурятамъ походными кумирнями. Алтари съ предметами поклоненія, книги, аптеки переносились, по мѣрѣ надобности. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в.

¹⁾ Въ сущности шаманство, имѣющее въ основѣ культъ предковъ и стихійныхъ силъ, по духу вовсе не низменно. Оно поддерживалось въ народѣ вліяніемъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, доступныхъ вдохновенію, мистическому востазу, изступленному порыву. Эта психическая особенность передавалась наслѣдственно, заставляя иныхъ противъ воли посвящать себя служенію отцовъ.

²⁾ Такимъ краснорѣчивымъ мудрецомъ, побѣждавшимъ любого спорящаго соперника въ прошломъ столѣтіи, считался одинъ лама изъ Джиданскаго дацана (религіознаго центра), въ Селенгинскомъ инородческомъ вѣдомствѣ среди западнаго Забайкалья.

ламы создали неподвижный религиозный центр среди довольно пустынной местности Эргэ Вурги (недалеко от Кяхты). Вуряты отовсюду стали собираться сюда. Первенствовавший среди них тибетец Агванъ Пунцукъ, въ 1741 г. съ разрѣшенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ перенесъ главнѣйшую по значенію кумирню на рѣку Чикой, въ урочище Хилгантай, гдѣ она вскорѣ уже окончательно и прочно утвердилась, благодаря усердію сгруппированнаго вокругъ цонгольскаго рода. Бумага бригадира Якобія Заягійну проливаетъ свѣтъ на это послѣднее обстоятельство: „Сего 8 ноября въ канцелярія правленія пограничныхъ дѣлъ *по доношенію твоему*, поданному 27 февраля 1757 г., коимъ просилъ, чтобы за овітшаніемъ нѣкоторыхъ покоевъ постройкой дозволить на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая имѣется, опредѣлено *къ тебѣ Ламъ Даржю ширетую* ¹⁾ объявить указомъ, что за объявленнымъ отъ васъ прежней кумирни овітшаніемъ и что вамъ въ оную съ прочими ламами для чтенія книгъ по вашему обыкновенію собираться можно, постройкой вновь на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая была, дозволяется, и главному Ламъ Даржю ширетую о томъ вѣдать“ (Ноября 9 дня 1758 г.).

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка власти заботились о томъ, чтобы ламы имѣли постоянныя кумирни для многолюдныхъ сборищъ туда „*ради чтенія книгъ по закону или обыкновенію, въ удовольствіе*“. Единственнымъ условіемъ ставилось не быть слишкомъ близко къ границѣ. Храмъ возникалъ за храмомъ.. Вокругъ большихъ группировались маленькіе. Прежніе заимствовали вѣтшій видъ у первыхъ забайкальскихъ церквей (напр. Тугнуйскій дацанъ). Отчасти до сихъ поръ удержали его древнѣйшія деревянныя постройки (съ куполами, крестообразныя). Новыя каменныя существенно отличаются отъ старинныхъ, будучи смѣсью тибетскаго стиля съ китайскимъ, поражая пестротой и великолѣпіемъ отдѣлки.

Первыя, такъ-сказать основныя бурятскія капища воздвигались русскими мастерами. Иностранцы тогда еще не умѣли строить. Теперь, наоборотъ, они сами являются искуснѣйшими ремесленниками Забайкалья.

Между размножившимися у насъ ламами недолго царствовало единогласіе. Разладъ отчасти обусловливался племенной рознью, отчасти степенью успѣха среди шаманствовавшихъ бурятъ...

¹⁾ Даржи—собственное имя. Ширетуюми же называются начальники ламскихъ религиозныхъ центровъ.

Антагонизмъ сначала оказался по обѣ стороны рѣки Селенги, въ юго-западной части края. Цонгольцы, съ Цзянгійномъ во главѣ, стремились повсюду первенствовать. Противодѣйствіе гнѣзилось весьма близко отъ основнаго центра, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, у Гусинаго озера. Тамъ владычествовалъ вышеназванный Ахалдаевъ. Когда онъ кончилъ учиться въ Ургѣ, наставлявшій его тамъ Манзушири Номонъ-Хаганъ-лама приказалъ ему, по преданію, пойти въ амбаръ и наугадъ взять оттуда книгу и маленькаго бурхана. Принесенными предметами таинственно опредѣлялась судьба увѣжавшаго ученика: „ты самъ будешь имѣть до 100,000 учениковъ!“ изрекъ Манзушири-лама на прощаніе.

Предсказаніе по-своему сбылось. Бурятскій ламоправитель и его непосредственные преемники наложили благословляющія руки на десятки тысячъ пытливыхъ молодыхъ головъ, повѣрившихъ въ Будду. Вернувшись на родину, Ахалдаевъ сталъ служить въ цонгольскомъ дацанѣ, но вскорѣ, выдвинувшись изъ числа сотоварищей, пошелъ къ кочевьямъ своего Хатагинова рода и смежныхъ родовъ за р. Селенгой. Въ 1740 году возникъ ахалдаевскій войлочный дугунъ (кумирня) въ долинѣ р. Темника, преобразованный затѣмъ въ главный бандида-хамбинскій. Сѣвернѣе и западнѣе, и южнѣе также стали появляться буддійскіе храмы. Авторитетъ Ахалдаева стягивалъ ихъ жречество вокругъ него. Войлочный дугунъ около 1750 года замѣнился деревянною кумирней. Дацанъ мало-по-малу сдѣлался разсадиномъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣній, тогда какъ цонгольскій на все налагалъ отпечатокъ Тибета. Незначительная разница въ служеніи и взглядахъ была и есть, впрочемъ, вездѣ,—такъ какъ вѣру прививали ламы, приходившіе изъ разныхъ мѣстностей. Основное отличіе составляла духовная близость или къ Монголіи, или къ нагорной колыбели ламаизма. Когда около 1752 года иркутская провинціальная канцелярія дала Зянгійну знаніе главнаго бурятскаго ламы, Ахалдаевъ началъ интриговать. Сородичи составили приговоръ (съ приложеніемъ старшинскихъ подписей) о желаніи имѣть Ахалдаева главою и предъявили его начальству. Селингинскій бригадиръ Якобій указомъ отъ 1 іюня 1752 года отвѣчаетъ: „быть Ахалдаеву во всемъ подъ вѣдомствомъ и дирекціей, въ послушаніи у цонгольскаго главнаго ламы, отнюдь ничего не чинить безъ вѣдома опаго ламы, для того, что помя-